

Молодой господин Ван сразу раскусил его мысли и с улыбкой сказал:

— Зачем ты со мной, твоим братом, разводишь эти пустые церемонии? На самом деле в нашей гарнизонной службе в Цяньане нет ничего срочного: впереди стоят Шаньхай и гарнизон Лулуна. Мы просто начали учения заранее, на всякий случай. Приходи, как и раньше, плац вмещает несколько сотен человек, один ты помехой не будешь.

Цуй Се ответил:

— Все-таки дела двора превыше всего. Вы проводите настоящие учения, и что я буду путаться под ногами? За эти месяцы я и так слишком сильно тебя побеспокоил. Лучше я пока сделаю перерыв на пару месяцев, чтобы было больше времени на иллюстрации к «Троецарствию». А когда варвары уйдут, я обязательно вернусь.

Ван Сянчжэнь тут же воодушевился и, широко раскрыв глаза, спросил:

— Уже выходит продолжение? Твой рисунок, где Люй Фэнсянь стреляет в трезубец у ворот лагеря, вышел донельзя живым и величественным! Я на днях как раз потренировался в стрельбе из лука и приказал выковать себе доспехи из чистейшего серебра. Когда я принаряжусь, нарисуешь и меня, а?

Цуй Се оглядел его: молодой господин Ван действительно обладал тонкой талией и длинными руками, был хорош собой, высок и строен — в пригнанных по фигуре доспехах пропорции смотрелись бы отлично. Цуй Се погладил подбородок и с улыбкой предложил:

— Если ты не против, что если я нарисую один твой портрет во весь рост в исподнем, а к каждому знаменитому военачальнику буду печатать комплект доспехов и одеяний? Ты сам вырежешь эти наряды и сможешь менять их и прикладывать к своему изображению. Разве так ты не примеришь на себя роли сразу нескольких героев?

Глаза молодого господина Вана мгновенно вспыхнули, он хлопнул себя по бедру и воскликнул:

— Это же замечательно! Дорогой братишка, не напрасно я о тебе так пекусь! Нам обязательно нужно пойти в храм императора Гуаня и совершить обряд братания!

Цуй Се рассмеялся:

— Это всего лишь мой способ отлынивать от работы и упростить себе задачу. Если потом брату Вану покажется, что печатные рисунки грубоваты, сможешь попросить того известного мастера из Луаньчжоу нарисовать большой изысканный портрет.

Молодой господин Ван ухмыльнулся:

— Какой еще мастер! Жуань Шэн рисует людей хуже тебя! Кабы не звание цзюйчжи, не стать бы ему никаким мастером. Он только и рад, что выводить надписи на твоих картинах с четырьмя красавицами. А попросишь его нарисовать что-то или сложить стих — так сразу подавай ему пиры да живописные виды, и тянет время, вымогая угощение за угощением.

Впрочем, лучшие живописцы ныне обретались на юге, где признанными патриархами считались Дай Цзинь и Шэнь Чжоу. В Бэйчжили же не хватало даже образованных людей, а уж умеющих хорошо рисовать — и подавно. Тот художник, которого удалось заполучить молодому господину Вану, пусть и был привередлив, но всерьез обучился живописной манере Ли Гунлиня: штрихи у него выходили уверенными и четкими, а композиция — лаконичной. Его

подделки под картины с красавицами Цуй Се получались куда более похожими на оригинал, чем те, что продавались на рынке, да и цвета смотрелись изысканнее.

Цуй Се усердно готовился к экзаменам, и в день у него оставалось от силы полчаса-час на рисование. Создавать небольшие эскизы он еще успевал, а вот на полотна в несколько чи размером сил и времени уже не хватало. Поэтому молодой господин Ван пока не мог обойтись без мастера Жуаня: щедро содержал его в сытости и довольстве, дабы тот копировал картины с красавицами Цуй Се, к которым теперь прибавились и портреты генералов.

Самому художнику Жуаню тоже весьма приглянулась по душе такая жизнь: срисовывая себе картины, ставь подпись — и получай содержателя. Он со спокойной душой служил личным живописцем семейства Ван. Сегодня отправится на хребет Цяньсун, завтра — на склон Лунван; даже недавние вести о том, что Маленький принц собирается напасть на границы, не мешали ему наслаждаться пейзажами и демонстрировать мастерство кисти.

Заговорив о нем, Ван Сянчжэнь добавил:

— Твой стиль он воспроизводит процента на восемьдесят-девяносто. Нарисуй мне небольшой эскиз, а я потом велю ему увеличить его по образцу.

Не откладывая дело в долгий ящик, Цуй Се попросил его встать во дворе и нарисовал его, пользуясь ярким светом летнего вечера.

Экономя время, он воспользовался контурной техникой, применяемой в комиксах. Однако, поскольку не нужно было думать о сложностях печати, раскрашивание вышло куда более детальным: игра оттенков придавала чертам лица объем и выразительность, а на одежде и украшениях легли реалистичные светотени.

Молодой господин Ван в тот момент полностью погрузился в доблестный образ Люй Бу. Позируя, он держал в руках настоящий лук с ослабленной тетивой и, ничуть не уступая усталости, застыл в позе, будто натягивал лук до отказа. Цуй Се изобразил его в полуоборот: в ярко-красном военном халате с узкими рукавами, с высоко убранными волосами без шлема; ноги стояли в устойчивой стойке, правая рука оттягивала тетиву к подбородку, а взгляд скользил за пределы рисунка, так что и глаза, и наконечник стрелы, казалось, вот-вот вырвутся из бумаги.

Не хватало только доспехов — и перед глазами предстал бы вылитый маркиз Вэнь! А в будущем он сможет стать сошедшим с небес Гуань-гуном, Сюй Чу, Сунь Цэ, Чжоу Юем, Чжао Юнем, Ма Чао... да кем угодно!

Увидев готовый рисунок, Ван Сянчжэнь еле сдерживал порыв мгновенно облачиться в заказанные серебряные доспехи, сжать в руках алебарду и, подобно воплощению маркиза Вэнь, храбро врезаться в ряды врагов, нанося бесчисленные удары, чтобы пленить татарского Маленького принца.

На рисунок ушел целый вечер, а доспехи дорисовать удалось бы только на следующий день. Рассчитав, что времени не хватит, Цуй Се перевел контуры фигуры на промасленную бумагу, после чего отдал оригинал Ван Сянчжэню, сказав забрать эскизы доспехов через несколько дней.

Старший молодой господин Ван, хотя от нетерпения готов был силою вернуть солнце назад на небосклон, поторопить его не решался. Он свернул рисунок и проговорил:

— Учеба — главное! Рисуй не спеша, я не тороплю, заберу в следующий свой выходной.

В крайнем случае у него про запас оставался мастер Жуань: пока Цуй Се не торопясь рисует, мастер Жуань может набросать ему еще несколько комплектов по образу героев из первых двух томов «Шести гениев с оценками к «Троецарствию»». И тогда он каждый день сможет менять поверх основы наряды и оружие — не превратится ли он в десятки прославленных полководцев прошлого?

А вернувшись, он повесит эту картину прямо в лагере, чтобы все воины любовались могучим обликом господина Вана!

Молодой господин Ван, бережно сжимая картину, ушел в превосходном расположении духа. Цуй Се же каждый день уделял немного времени, тщательно прорисовывая детали доспехов, и по мере готовности отправлял рисунки в управу командующего.

Рисуя для других, он никогда не халтурил и придумал сразу несколько вариантов: комплект Люй Бу с венцом из фазаньих перьев, серебряными доспехами и алебардой за спиной; комплект Гуань Юя в изумрудном повойнике, зеленых одеждах и с мечом Сине-зеленого Дракона; комплект Чжао Юня с серебряным шлемом, белым султаном, копьем и белым конем; и последний — комплект Сюй Чу с обнаженной грудью и повязанной на поясе курткой...

Так как детали исторических нарядов он помнил смутно, то просто смешал образы из старых и новых адаптаций, игр и комиксов. Главное, чтобы наряды подчеркивали фигуру и смотрелись эффектно, а уж историческая точность была не столь важна. Пэн Янь, глядя на эти изображения доспехов, сгорал от зависти, но просить не смел. Он лишь изредка рассматривал рисунки во время уборки кабинета и представлял, как сам выглядел бы в таком облачении.

Заметив это, Цуй Се выкроил немного времени и нарисовал для него погрудный портрет на розовой бумаге, а печатникам велел оттиснуть пару полноформатных изображений Люй Бу, Цао Цао, Лю Бя, Гуань Юя и Чжан Фэя. Вырезав области с доспехами и телом, он отдал их мальчику, чтобы тот сам комбинировал наряды — пусть порадуетя.

Не только Пэн Янь — у молодых ремесленников из мастерской тоже загорелись глаза, всем захотелось получить подобные бумажные наряды. Однако старшие мастера посчитали, что учеба хозяина — дело первостепенной важности. Помогать сыну генерала еще куда ни шло, но с какой стати господин должен утомляться ради неразумных подмастерьев? Старшие хорошенько отчитали молодежь.

Но юноши оказались сметливыми: они тайком напечатали на грубой хлопковой бумаге несколько простеньких черно-белых контурных наборов, вырезали лица и доспехи и с увлечением принялись менять одеяния своим любимым персонажам. Когда Цуй Се проводил рабочее собрание, он застал двух подмастерьев за аккуратным наклеиванием бумажек. Он остановил их и спросил:

— И как вы до этого додумались?

Цуй Се был юн и не слишком строг, с людьми у него всегда складывались отличные отношения. Однако оба восемнадцати-девятнадцатилетних подмастерья при виде него сжались так, будто их поймал с поличным завуч, и, едва дыша от страха, затрепетали:

— Мы не смели трогать хозяйскую краску и хорошую бумагу! Мы всё напечатали сами на грубой бумаге... Молим молодого господина простить нас!

Цуй Се поджал губы, не зная, что сказать.

Задавая этот вопрос, он вовсе не выражал недовольство тем, что они использовали бумагу и тушь мастерской. Дело было в другом... Честно говоря, сам он играл в подобные бумажные куклы разве что в детском саду да в первых классах школы, а став постарше, такое уже не покупал.

Один из подмастерьев, посмелее, пробормотал:

— Мы просто увидели у брата Пэн Яня эти картинки со сменной одеждой, иззавидовались и сдуру сами напечатали...

Цуй Се взмахнул рукой:

— Я вас не виню. Просто не думал, что и взрослым могут нравиться такие вещи. Вам правда так нравятся эти картинки со сменными нарядами?

Не только двое смущенных подмастерьев, но даже Ли Цзиньбао смущенно покраснел. Находившиеся в комнате мастера стали просить не судить строго этих дуралеев, мол, несмышлениши воспользовались хозяйским добром, но, к счастью, ценную бумагу и краски не испортили. И ни один человек не произнес: «Да это же детские забавы, никому взрослому они не нужны».

Тут-то Цуй Се и понял: оказывается, подобные бумажные картинки пользуются немалым успехом и у взрослых.

<http://bllate.org/book/18372/1761300>